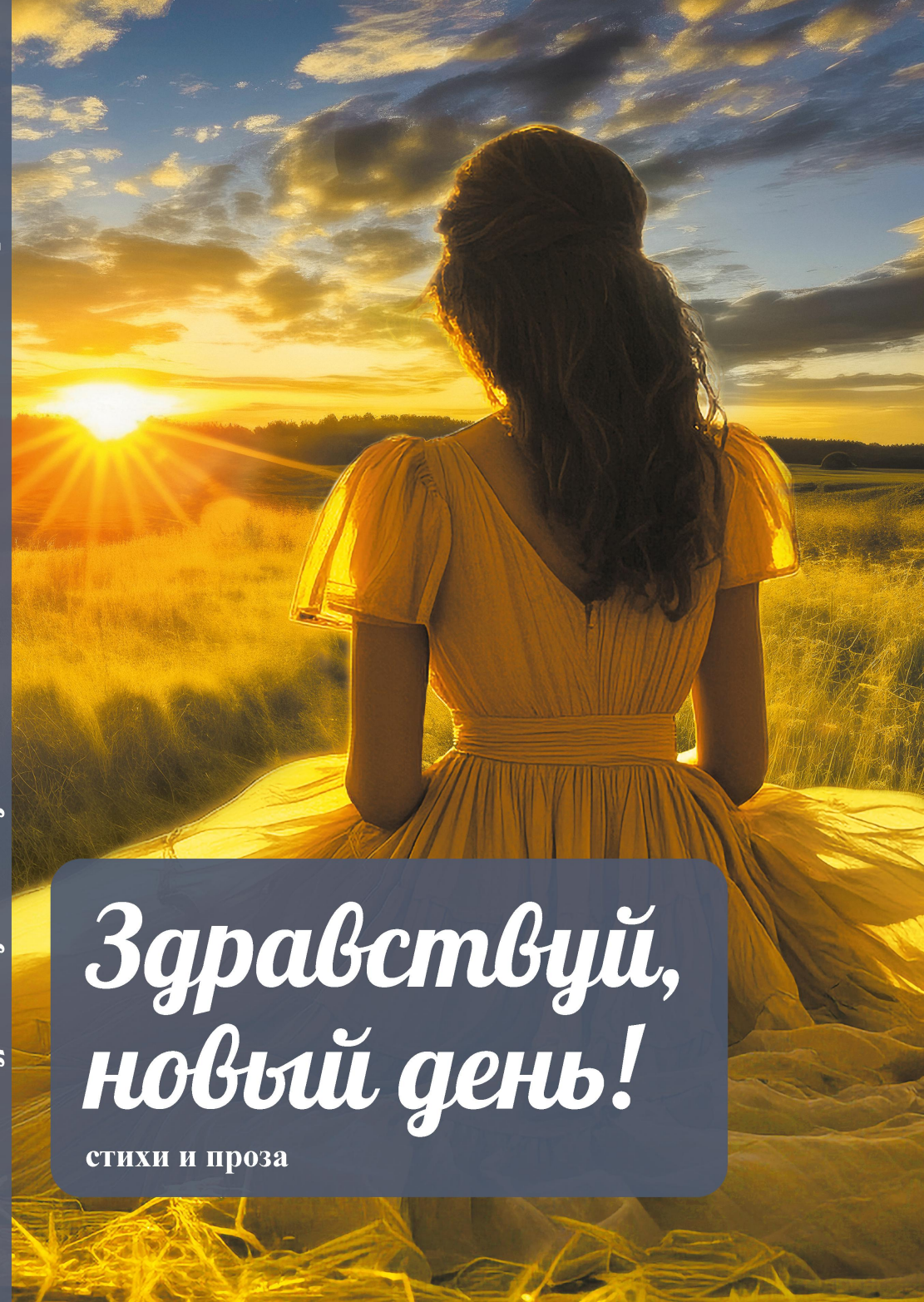

A woman with long dark hair, seen from behind, is sitting in a field of tall golden grass. She is wearing a light yellow, short-sleeved dress with a gathered waist. The sun is low on the horizon to the left, creating a bright glow and long rays across the sky and field. The sky is filled with soft, golden clouds. The overall mood is peaceful and contemplative.

*Здравствуй,
новый день!*

стихи и проза

Здравствуй, новый день!

Сборник стихов и прозы участников любительского
творческого объединения «Литературный салон»
Гурьевского округа

Кемерово 2024

СУДНИЦЫНА Валентина

Живёт в Урске. Стихи публиковались в газете «Знамёнка», альманахе «Мелодия души», коллективных сборниках «Светлая даль», «Родники любви», «Синий плёс», «Весна-блондинка», «Антология самобытной поэзии Кузбасса», в книге «Литературные объединения Кузбасса. Антология поэзии». Автор сборника «Навстречу солнечным лучам».

Здравствуй, новый день!

Затопила печку,
Вышла на крылечко,
Улыбнулась солнцу –
Здравствуй, новый день!
Солнышко всё выше,
А коты на крышу
Рвутся за любовью.
Ты смотри, не лень!
И весна всё ближе,
Снег украдкой лижет,
Тот обмяк и тает,
Как в руке пломбир...
Я стою и млею,
А любовь смелее
Сердце наполняет,
Мой душевный мир.
Счастьем поделюсь я,
И не станет грусти,
В сердце каждом вспыхнет
Искорка добра.

На дела благие,
Радости земные
Бог благословляет
Всех людей с утра.

Всё будет хорошо

Эдику

Капли дождя на стекле,
А за окошком февраль,
Ветер поёт о весне...
Дней исчезающих жаль.
Скажешь ты: «Ба, не грусти».
Знаешь и сам наперёд –
Много невзгод на пути.
Вот и ещё поворот.
Мимо возможно пройти
Иль завернуть сгоряча...
Трудно дилемму решить,
Не ошибись невзначай.
Чарочка на посошок,
И попрощавшись, вздохнём.
Всё, будет всё хорошо,
Выстоим, переживём.
Только сердечко, дружок,
Не закрывай на замок.

Упрямое лето

Солнце нырнуло за рощицу,
Лентой закатной взмахнув,
Месяц-гулёна топорщится,
Хоть и изрядно схуднул.
Ночь, ворожея-проказница,

Звёздные ливни сулит,
Лето в тонюсеньком платъице
Бабочкой яркой летит.
Звёзды глазастые по небу –
Пчёлки в Эдемском саду.
Лето упрямое пробует
Вновь ворожить на судьбу...
Каждый денёчек по капельке
Выпьет, мечту затаив,
Осень-злодейка на паперти
Спросит за всё. Заплати.

В мирской суете

В мирской суете мы блуждаем по свету,
Спешим, подгоняя свой век,
А где-то горюет сбежавшее лето,
Всё ближе загробности след.
Ни дум, ни стремлений в нахмуренных лицах.
Голгофа всё ближе, очнись!
Уже совсем близко от нашей границы
Лютует «косая». За жизнь
Воюют солдаты – Отчизны сыночки.
Когда же вернутся к семье?
Безрадостны дни и длиннющие ночи.
Где свет от лампы в окне?

Слушать и слышать

Хлюпает осень дождями со снегом,
Вспухло от холода хмурое небо.
Сгорбленный путник усталый под зонтом
Добрых вестей ждёт с далёкого фронта.
Грустно. Уныло. Немило. Постыло...
Господи, грешных прости и помилуй,

Хочется мира и солнышка в душах,
Сердцем распахнутым Господа слушать.
Слушать и слышать, заветам внимая,
Козни лукавого все отвергая.
В храмах для этого двери открыты.
Ангелы просят молитвы. Молитвы...

Народ, очнись!

Отчаянно стучит весенний дождь –
Бесчувственные, что ли, стали все?
Пора пришла пшеницу сеять, рожь,
Где трактористы, сеяльщики где?
Давно от взрывов вздыблена земля,
Кровь, что водица, льётся на поля.
Насытил чрево жирный чернозём,
А сеяльщик забылся вечным сном.
Лишь дождь отчаянней...
Стучись, родной, стучись,
Пора очнуться.
Эй, народ, проснись!

Нет - тьме!

Сломался день, пошёл на убыль,
Мгновений счастья не допил,
А ночи долгой острый угол
Оскалом гниlostным грозил.
Нет, нет! – скажу кромешной тьме я,
Исчезнет мрака пелена,
А мир, очищенный от скверны,
От мракобесия и тлена,
Раскрасит девочка весна.
И свет добра, проникнув в душу,

Затеplit веры огонёк.
Вновь именем живого Бога
День новый радостно и смело
С надеждой глянет на Восток.

Косынка

– Ну, слава Богу, приехали! – Послышался голос тёти Маши у калитки. Завопив от радости, мы с сестрёнкой выскочили навстречу вернувшимся из поездки дяде Симе и тёте. Дядя железнодорожник, тётя учительница. За неумную тягу к путешествиям по достопримечательным местам России и союзных республик родственники звали её лягушкой-путешественницей. В этот раз они гостили у дядиных братьев в Москве и Поти. В Грузии были впервые. Их поразила не улыбочивость, даже суровость местных жителей и преобладающий тёмный, а то и чёрный цвет одежды. Это была середина 60-х годов двадцатого века, время, когда Грузия переживала своего рода траур по И. В. Джугашвили – Сталину, когда Н.С. Хрущёв изданным указом убрал саркофаг с телом Сталина из мавзолея. Но, в целом, им понравился местный колорит, уровень жизни населения, море, а дяде ещё и сухое вино.

Оставим Грузию и вернёмся в посёлок Притомск – пригород Междуреченска. Железнодорожная станция Притомск расположена на берегу реки Томь, а Междуреченск между двух быстрых рек Томь и Уса, совсем рядом горы Кузнецкого Алатау. Привезла сюда нас с сестрой тётушка, чтобы мы домовничали, следили за садом-огородом. Небольшим, сотки две, не больше, а ещё кормили кур и уток с утятами. Оставили нам денег на продукты, кино и сладости. Курировала нас младшая сестра мамы и тёти Маши – Зина, навещала раз в неделю, топила баню, привозила из города вкусняшки. Всё. Целый месяц мы были предоставлены сами себе

Увидев нас живых, здоровых, загорелых, тётя обрадовалась и от-

правилась на обход своих владений. Огородничать меня с малолетства приучили те же тётки, навещавшие каждое лето своих родителей – моих бабушку с дедушкой. Итак, в огороде сорняков нет, всё растёт, цветёт и пышет, как говорят в народе, но...

На кустах смородины не было ни одной мал-маящей ягодки. А как вы хотели? Детям витамины нужны! Мы, это я четырнадцати лет, сестра десяти, девчонки-подружки в количестве пяти человек такого же возраста – подвижные, активные – оборвали её ещё полубурю, полузелёную. Мелкая завязь помидоров, правда, висела нетронутая, чего не скажешь про малину и викторию. Её мы ели и с куста, и толкли с сахаром, извели запас сахара, предназначенный для варенья.

Далее по курсу участок, огороженный сеткой-рабицей, с сараем, в котором обитали куры и утки. Кур и уток кормила зерном. Благодарные куры за это регулярно снабжали нас яйцами, чему противился наглый, белый, с кроваво-красным гребнем петух, норовивший налететь и клюнуть в руки. Для хранения яиц в кладовой был поставлен таз, только он был ни к чему: яйца съедались оравой девчонок моментально, это же основной ингредиент для омлета, яичницы, глазуньи, болтуньи и гоголя-моголя. Самыми удобными оказались утки. Прожорливые, они сновали туда-сюда от корыта к болотцу и обратно. Утята подросли. Весь птичий двор живёхонек и здоровёхонек.

– Молодцы, девчонки, я и не сомневалась. Как сами, всё в порядке?

Станный вопрос, конечно, всё нормально. Когда скучать, если подружки-соседки всегда рядом. Даже ночевать кто-нибудь из них оставался. Ходили в кинотеатр, в гости, на речку загорать и купаться и даже ловили мальков на перекате. В дождливые дни и вечерами читали книги, рисовали, рассказывали страшные истории.

– Да нормально, только я косынку потеряла, когда Тома меня плавать учила, её течением унесло, и я начала тонуть. Смотрю, пузыри вверх, как в аквариуме. Жутко стало, начала молиться. Нашупала чью-то руку или ногу, вцепилась мёртвой хваткой. Тамара меня за это ругала, говорила, что всё равно вытащила бы. Как же! Течением бы унесло и всё, поминай, как звали. В итоге, спасена. И даже воды

не наглоталась, и всё, о чём думала под водой, помню.

Тётя от услышанного побледнела, обняла меня, а сама чуть не плачет.
– Нашла о чём горевать, о косынке.

Когда волнения улеглись, начали распаковывать чемоданы, сумки с подарками и гостинцами. Привезла тётушка отрезы тканей и ситца, из которых нашла нам с сестрой платья модные, красивые с отделкой разной – сутажом, выюном, руликом... Домой вернулись разнаряженные, счастливые, только очень соскучились по младшим братишкам и маме. Папа за нами приехал сам.

Года бегут стремительно, как быстрые воды Томи, уплыла и косынка, которая всплывает иногда в памяти приятной грустью об ушедшем детстве.

А плавать я так и не научилась...

Лёнька

За окном проплывают облака...

Каждый день они разные: то летят табуном лошадей с косматыми гривами, то плывут медленно, величаво, словно белогрудые лебеди. В ясные дни небо голубое-голубое, цвета незабудок, которые отец приносит маме.

Иногда на поляну перед домом опускаются голуби.

Вот кому Лёнька завидует! Если бы он мог стать одной из этих красивых птиц, то полетел бы далеко-далеко, а ещё на пасеку, куда уехали мать с отцом. Мама – пасечница на совхозной пасеке, а отец сторож. Братьев – старшего и младшего – забрали с собой, а Лёньку, которому от роду три года, хозяйство и дом оставили на попечение старшей сестры.

Сестра Маша – Маня. Она уже взрослая, ей полных тринадцать лет и она ходит в школу, а ещё у неё есть подруга, соседка Лида. Иногда они берут Лёню с собой на улицу: расстелив самотканый коврик, усаживают его, поиграют немного и занимаются своими делами, а он доволен. Радует яркому солнышку, теплому ветерку-шалунишке, который гладит ему волосы и перебирает листочки на берёзе...

Маня умеет всё: доить корову Зорьку и варить вкусную кашу и суп,

печь оладушки, управляться с целой оравой гусей, уток и кур... Она хорошая, но только оставляет часто Лёньку одного. Ему грустно и даже иногда бывает боязно; только она, наверное, этого не понимает.

А если он сможет когда-нибудь ходить, то и сам будет убежать далеко от дома с мальчишками, тогда можно и не становиться голубем и, когда захочешь, можно видеться с мамой.

Мама. Она такая ласковая, добрая и пахнет медом, цветами и солнышком. Она не каждый день бывает на пасеке с раннего утра до ночи, это только когда роются пчёлы или качают мёд.

В праздники отец берёт гармошку и начинает петь, а мама с Лёней подпевают, голосок у него чистый, звонкий, как колокольчик, а Маша с Васей убегают к друзьям.

Сейчас лето, тепло, а зимой на полу холодно. «Так и застудили парнишке ноги, потому и «сидун», – говорит баба Оля, мамина мама. Бабушка живет у тети Дуни – своей снохи, приглядывает за внучатами; их там шестеро. Им-то с бабушкой хорошо, а вот ему... и где это запропастилась сестра? Уже хочется есть и спать... И куда всё бегут облака? А небо... оно такое далёкое...

...Лёнька будет ходить! Наверное, потому, что так долго не мог, станет непоседой и озорником, разведает все окрестности, заведёт голубей, научится играть на гармошке, и сам будет сочинять и петь песни. А ещё... Будет всю жизнь любить землю; её, ни с чем несравнимый, дурманящий дух, который исходит от свежевспаханной земли по весне; бескрайние поля с колосющимися хлебами, клин журавлей в бездонном небе...

И небо распахнет свои объятия, а он, задира и непоседа станет десантником-гвардейцем. Он встретит свою голубку – верную подругу, которая дождется его из армии, родит ему троих сыновей. Любовь и покой навечно поселятся в его сердце.

Это потом, а пока – счастья тебе, Лёнька!